

Научная статья

УДК 929.522.1

doi: 10.17223/19988613/93/19

Воспоминания выпускников историко-филологического (исторического) факультета Томского государственного университета как исторический источник

Владимир Петрович Бойко¹, Марина Евгеньевна Савинцева²

^{1, 2} Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия

² Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ vpbojko@yandex.ru

² msavintseva@yandex.ru

Аннотация. Исследована история возникновения и эволюции информации, содержащейся в воспоминаниях историков, обучавшихся на историко-филологическом (историческом) факультете Томского государственного университета в разные годы второй половины XX и начале XXI в. Отмечается, что образ выпускника представляет собой совокупность ментальных, психологических и социальных черт современного интеллигента гуманитарной направленности.

Ключевые слова: Томский университет, исторический факультет, воспоминания

Для цитирования: Бойко В.П., Савинцева М.Е. Воспоминания выпускников историко-филологического (исторического) факультета Томского государственного университета как исторический источник // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 150–158. doi: 10.17223/19988613/93/19

Original article

Memories of graduates of the Faculty of History and Philology (History) of Tomsk State University as a historical source

Vladimir P. Boiko¹, Marina E. Savintceva²

^{1, 2} Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ vpbojko@yandex.ru

² msavintseva@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to provide a brief overview of published memoirs of domestic researchers who studied at the Faculty of History and Philology and the Faculty of History of TSU in different years and at the beginning of the XXI century. The aim is to characterise the image of a graduate as a set of mental, psychological and social traits of a modern humanitarian intellectual. The favourable coverage of the selected topic provides additional material for the study and comprehension of the personalities of graduates, the peculiarities of their character, and allows us to highlight the facts that demonstrate the culture and specificity of the perception of events by the authors of memoirs.

Considering scholarly importance of the subject, the authors aimed to provide a concise overview of published memoirs, enabling the reader to gain insight into the author's linguistic style, worldview, communication style, social interactions, and the psychological portrait of that time.

The study's source base was comprised of a diverse range of materials, including collective monographs of Russian historians, scientific articles, and conference proceedings. The principal sources are the published memoirs of graduates of the Faculty of History and Philology and the Faculty of History of TSU (N.V. Blinov, V.P. Zinoviev, L.I. Galliamova, V.P. Boiko, Yu.A. Sorokin, etc.).

The methodology employed in this research adheres to the principles of objectivity and historicism. The source study, historical-comparative, historical-genetic and bibliographic methods were employed in order to achieve the desired results.

The research conducted by the authors revealed the existence of two distinct types of memoirs. The first type is characterised by an emphasis on the anniversaries of the authors themselves (V.P. Zinoviev, V.P. Boiko). The second type, in contrast, focuses on the authors' lives and work, serving as a testament to the passed away (N.V. Blinov, A.M. Sagalaev, A.Kh. Ehler). One of the key points addressed in the memoirs is the review of the conditions of education and living conditions of students in dormitories. The memoirs provide a comprehensive account of the lives of students, their interactions with teachers and their peers.

Nevertheless, most of memoirs focus on significant events occurring within the country and internationally. Memoirs by N.V. Blinov provide insight into the events of the Great Patriotic War, particularly the final stage in the Far East.

Memoirs by V.P. Zinoviev and V.P. Boiko offer a multifaceted perspective on the process of collectivization and dekulakization. Memoirs by S.I. Anufriev document the experiences of undergraduate and graduate students at the end of the XX century, exploring both everyday and ideological aspects of their lives.

Keywords: Tomsk State University, Faculty of History, memoirs

For citation: Boiko, V.P., Savintceva, M.E. (2025) Memories of graduates of the Faculty of History of Tomsk State University as a historical source. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 150–158. doi: 10.17223/19988613/93/19

В начале XXI в. в томских издательствах было опубликовано несколько десятков воспоминаний, принадлежащих выпускникам исторического факультета ТГУ. Они содержат не только ценную информацию о факультете, программах обучения, условиях студенческой и преподавательской жизни, но и субъективные характеристики самих авторов мемуаров. Источники личного происхождения, а именно к ним относятся воспоминания, являются носителями такой ценной информации, которой в других видах источников не хватает, как бытовые и психологические детали жизни, окружавших автора людей, их культурные и социальные особенности, привычки, привнесенные из довузовской жизни и приобретенные во время учебы на факультете, и многое другое. Такого рода информация позволяет воссоздать ситуацию, фон эпохи, атмосферу, которые все вместе и порознь формируют специалиста-историка и интеллигентного человека. Стоит сказать, что, как правило, автор мемуаров «созревает» для их написания, уже достигнув «степеней известных», т.е. став доктором наук и профессором и достигнув, естественно, солидного возраста, когда детям и внукам нужно не только рассказывать, но и в письменном и печатном виде передавать свой опыт и свою уже родовую и семейную историю.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью включения в исторические исследования источников личного происхождения, которые современными исследователями рассматриваются достаточно редко, хотя и несут массу новой, свежей информации. Кроме того, эти источники создают исторический фон, на котором и разворачиваются основные события, что является особо ценным и актуальным направлением исторической науки.

Новизна данной статьи объясняется тем, что история отдельных факультетов Томского университета редко становилась объектом исследования. Исторический факультет в этом плане – значимый предмет изучения гуманитарного образования в нашем университете. Студентами и преподавателями историко-филологического (исторического) факультета являются многие выдающиеся личности. Итогам их педагогической и научной деятельности могут быть посвящены отдельные исследования. Их краткое упоминание в данной статье дает возможность продолжить личностную и коллективную характеристику истории Томского университета.

Воспоминания Николая Васильевича Блинова (1929–2015), одного из выдающихся профессоров исторического факультета, представляют собой чрезвычайно интересный и поучительный опыт. Его мемуары «Вспоминая молодость» написаны в последние годы жизни по настоятельной просьбе детей и внуков [1. С. 9].

Начинаются они, как и записки некоторых других авторов, с воспоминаний о родителях. Подобно большинству сибирских деревенских жителей, отец Блинова отправился в Сибирь на поиски счастья еще в молодые годы неженатым парнем к старшему брату, который осел в таежной деревне Покровка в 30 км от станции Тайга. Было ему тогда 17 лет, и первоначальный капитал он получал через «поденщину», т.е. ежедневную работу за гроши у местных мужиков. Те уже обжились и ходили в фабричной добротной одежде и обуви, а отец и мать Н.В. Блинова носили домотканую одежду и лапти, за что получили прозвища «Иисус и Богородица». Только благодаря неимоверным усилиям им за 10 лет удалось построить собственный дом, лучший в деревне, завести собственную лошадь и хозяйство, но, как пишет Н.В. Блинов, «колхоз и тут их накрыл». Дом и лошадку «обобществили», а родителям пришлось заниматься «наемной работой». [1. С. 11]. Тем не менее отцу Н.В. Блинова удалось получить специальность счетовода, что позволяло стать «советским служащим», как и некоторым отцам других историков, выпускников исторического факультета. Например, у В.П. Зиновьева и В.П. Бойко, также авторов воспоминаний, отцы, дети репрессированных родителей, стали бухгалтерами, что никаких привилегий им не сулило, кроме облегчения условий труда, однако причисляло их к работникам умственного труда и открывало более широкие перспективы для их детей, заставляло их получать, в свою очередь, образование и достойную профессию учителя, медресника, инженера, ученого и т.д.

Н.В. Блинов со знанием дела описывает «школу выживания», которую он прошел в детстве и юности, когда нужно было с 12 лет (отец ушел на фронт) помогать матери поднимать детей (себя и двух сестер), заниматься хозяйством и лесными промыслами. Все это было привычным делом для детей довоенного, военного и послевоенного поколений и стало для них неизбежной вехой биографии. Однако Н.В. Блинов как будущий исследователь выделяет главную причину своего выбора в сторону гуманитарного образования, в сторону творчества. Как и у многих русских писателей, начиная с Горького и кончая Шукшиным, Распутиным, Беловым и Астафьевым, – это чтение. Николай Васильевич в те годы не только много читал, но даже составил небольшую библиотеку в 200 томов из художественной и научно-популярной литературы. Пристрастие к самообразованию в самых тяжелых условиях борьбы за существование закалило волю будущего «народного профессора», как его называли некоторые друзья и ученики, стало залогом его будущих научных достижений.

Позже, после того как Н.В. Блинов оставил родной дом и отправился на Дальний Восток, на войну с Япо-

нией, он стал воспринимать историю через глобальные события, через участие в высадке военно-морского десанта, учебу на подготовительных курсах военно-морского училища, скитание по военным эшелонам, службу в бригаде морской пехоты и прочие приключения. Обладая превосходной памятью и мастерски владея хорошим литературным языком, мемуарист образно, а иногда и художественно передает свои юношеские впечатления, своеобразную «школу жизни», которую он прошел в молодости. Однако после этой «скоротечной, но очень жестокой войны», Н.В. Блинов попал в военное училище, где, как он писал, «...к середине второго курса я понял, что не смогу всю жизнь терпеть военную дисциплину, офицерская служба – не для меня» [1. С. 20].

Интересно, что и среди учеников профессора Блинова оказались те, кому военная служба, учеба в престижных военных училищах, перспективная военная карьера и безбедная жизнь именно на втором курсе обучения показались невыносимыми, и они добились исключения из училищ в Ленинграде и Москве, послужили по году в Советской Армии и поступили в конце концов на ИФ ТГУ. Это В.П. Бойко и П.Ф. Никулин, будущие доктора наук и профессора, руководители научных направлений по изучению сибирского купечества и крестьянства.

Снова начались приключения у Н.В. Блинова, когда он поступал в ТГУ и в первые годы обучения, когда он, по его словам, «вертелся как уж на сковороде», но все постепенно наладилось. Главное, что молодой человек с богатым жизненным опытом шел в университет «с целью получить знания и разобраться, почему у нас жизнь такая, а не другая» [1. С. 22]. В конце своего пребывания в Томске Николай Васильевич признал, что на кафедре истории СССР он «стал превращаться в историка», преодолевая последствия своего 6-летнего пребывания на кафедре истории КПСС: «Я не верил партийной идеологии, не считал историю КПСС учебным предметом и вообще всю идеологию, как и ее применение, считал фальшивым охмурением... Как я потом через много лет оказался доцентом и профессором университета – это особый рассказ. Сказались наличие семьи и ответственность за нее» [1. С. 25].

Таким образом, воспоминания Н.В. Блинова представляют собой оригинальный источник для изучения истории Сибири в период коллективизации предвоенного и военного времени, воссоздающий трудное становление советского человека в эту сложную и противоречивую эпоху.

Становление крупного и оригинального ученого освещено в воспоминаниях его наиболее успешного и талантливого ученика В.П. Зиновьева, научный стиль которого отличается аргументированностью и логичностью, что позволило ему кратко охарактеризовать главные достижения своего учителя как университетского профессора, крупного ученого и организатора науки. Главным достижением Н.В. Блинова Зиновьев считает его борьбу с иллюстративными методами изложения истории, которые были удобны для аргументации любых априорных положений. В условиях, когда подгонка фактов под цитаты классиков была обычной

практикой среди историков, такая позиция имела значительную ценность. Постоянно находясь на грани идеологического фола, Н.В. Блинов способствовал расширению творческого поля историков [2. С. 72–73].

Другая ученица и последовательница Н.В. Блинова Л.И. Галлямова, профессор Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, представила более пространные и эмоционально окрашенные воспоминания. Они включают в себя студенческие впечатления об историческом факультете и его профессорах, их преподавательской и научной деятельности, особенно кафедре истории СССР досоветского периода. Среди маститых профессоров и доцентов выделялся Н.В. Блинов, «спокойно сосредоточенный и очень серьезный преподаватель», который хорошо владел материалом и фактически не пользовался конспектами [3. С. 75]. Особенно запомнились Л.И. Галлямовой спецсеминары профессора Блинова по источниковедению, где происходило становление историка-профессионала: «Он был прост, демократичен, держался с нами на равных, не допускал никакого менторства, никакой назидательности. Мы быстро освоились, чувствовали себя достаточно раскованно, много рассуждали, спорили... На занятиях царила творческая атмосфера, располагавшая к поиску истины и уходу от поверхностной описательности и иллюстративности» [3. С. 75–76]. Неслучайно Людмила Ивановна приняла предложение Николая Васильевича о вступлении в состав творческой группы по изучению рабочего класса в Сибири и затем самостоятельно продолжила это дело на Дальнем Востоке, добившись выдающихся результатов.

Воспоминания другого, более молодого выпускника исторического факультета Юрия Алексеевича Сорокина, ныне профессора Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, отличаются большой информативностью и теплотой. Он так же, как и Л.И. Галлямова и десяток других студентов, начал свою научную биографию в спецсеминаре Н.В. Блинова, где поначалу числились только два человека: он сам и один из авторов данной статьи В.П. Бойко. Больше желающих не нашлось, пришлось включать административный ресурс (пресловутый «кнут и пряник») для привлечения еще трех студентов. Рабочая группа, сформированная Н.В. Блиновым, состояла из студентов третьего курса, молодых кандидатов наук и начинающих исследователей истории рабочего класса и предпринимательства. Как метко заметил Ю.А. Сорокин, учиться в спецсеминаре Н.В. Блинова «было интересно до сердечной дрожи» [4. С. 81].

Преодолевая трудности, студенты получали уроки, способствующие их становлению как исследователей-профессионалов. Для этого необходимо было поверить в свои силы и обрести чувство собственного достоинства и товарищества между студентами и младшими научными сотрудниками. Обо всем этом образно и поэтично пишет мемуарист Сорокин, на счету которого не только кандидатская и докторская диссертации, но также статьи и монографии, получившие всероссийскую известность [5. С. 5–21]. Особенно академична и оригинальна книга «Российский абсолютизм в послед-

ней трети XVIII в.», где в полной мере проявились исследовательские качества Ю.А. Сорокина, полученные в Томском университете в целом и на спецсеминаре Н.В. Блинова в частности [6. С. 3–13].

Не отнять у Ю.А. Сорокина и собственные таланты: хороший литературный язык, образно описываемые события и личности, которые окружали его в Томском и Омском университетах. Стоит надеяться, что в скором времени Юрий Алексеевич соберется с силами и напишет полноценные объемные воспоминания, объединит их в целую книгу, как это сделал к своему 70-летию один из его учителей В.П. Зиновьев, чей многолетний опыт научной работы, незаурядные таланты дотошно-го исследователя позволили ему создать мемуарную литературу под многообещающим названием «Не подводя итогов». Книга включает в себя биографическую справку о юбиларе, написанную профессором Алтайского государственного университета В.А. Скубневским, где даются основные вехи жизни В.П. Зиновьева и анализируются его многие научные труды. В первых двух главах автор с уважением и любовью рассказывает о своих предках по отцовской (Зиновьевы) и материнской линиям (Вяткины).

С любовью и уважением вспоминая своих родителей, В.П. Зиновьев отмечает, что у его отца и деда было две родины – Воронежская губерния и Алтай, а у матери только одна – Алтай. В 1881 г. с большой партией воронежских крестьян их предки двинулись в Сибирь, где на каждую податную мужскую душу давали по 15 десятин наделной земли, т.е. в 10 раз больше того, что они имели на родине [7. С. 19]. Первым поселенцам было нелегко устроиться на новых землях: все выгодные участки по берегам рек были уже заняты; часть отведенных земель была малопригодной для пашни – солончаки, а из положенных 15 десятин на душу отводили всего 11 десятин. Однако упорство и трудолюбие поселенцев, их мастерство не только в земледелии, но и в промыслах (катать валенки, шить шубы, сбивать масло и др.) стали основой их благополучия.

Обращает на себя внимание большая работа В.П. Зиновьева над генеалогическим древом своих предков с указанием близких и дальних родственных связей среди односельчан. Перед глазами встает картина вполне мирного и сытого благополучия, достигнутого тяжелым, по словам В.П. Зиновьева, «каторжным трудом», с одной мечтой, чтобы только не мешали жить и работать, да и налогов бы брали не слишком много [7. С. 29].

Но не могло состояться «мужичье счастье» в Стране Советов. Сначала душили непомерными налогами, а затем вообще ограбили и выслали в гибельные места в Нарым. Раскулачиванию семьи и своих родственников В.П. Зиновьев посвятил целый раздел, назвав его трогательно «10 гусенят». В архиве Алтайского края он нашел опись изъятого «богатства» семьи Зиновьевых, где скрупулезно были учтены многие вещи, изъятые в пользу государства, в колхоз. Однако этот список был неполным, в нем не учли имущество, которое односельчане расхищали в свою пользу, в том числе 10 гусят, которые были спрятаны в кузнице от хищных собак, кошек и коршунов. Их, естественно, в описи

нет, потому что власти «сквозь пальцы» смотрели на воровство активистов из бедных слоев сибирской деревни и даже выделяли в их пользу часть расхищаемого добра [7. С. 32–33].

В.П. Зиновьев подробно рассказывает и о женской составляющей своего рода: его бабушка по материнской линии была из зырян – большого северного племени охотников-оленьеводов. Зыряне строили вместе с русскими Березов, Нарым и Томск, часто между ними устанавливались семейные и родственные отношения. По словам В.П. Зиновьева, его бабушку называли цыганкой за смуглую кожу и черные волосы. Гены бабушки Марии хорошо заметны в «облике ее некоторых правнучек», отмечает мемуарист [7. С. 43].

Другие предки по материнской линии также были замечательными людьми. Прабабка Арина прожила 96 лет и родила 16 детей, могла жать хлеб, родить ребенка, завернуть его в платок и продолжать работу. Долголетием отличались и многие ее родственники, но об их потомках в семье В.П. Зиновьева «не говорили совсем, как обрезали, потому что не без помощи родни раскулачили деда Иллариона. Точно не знаю, но догадываюсь» [7. С. 44]. О разделении крестьянского мира в период коллективизации мы уже говорили.

Как маститый исследователь В.П. Зиновьев выделяется широким и тщательно подобранным составом источниковой базы: устные рассказы его ближайших и дальних родственников сочетаются с архивными данными о жителях деревень, их имуществе, в том числе реквизируемом во время коллективизации, картах-схемах населенных пунктов, деталях деревенского быта и многом другом, что было включено в повседневную жизнь людей давнего и недавнего прошлого. Эти главы объединены в раздел под названием «Родословная для внуков», который обширней и обстоятельнее другого раздела – «Студенчество и научное детство» [7. С. 89–99]. Со свойственной ему скромностью он вспоминает историю своего поступления на историко-филологический факультет ТГУ, впечатления от первых уроков, полученных им на полевых работах в колхозах, студенческих аудиториях и общежитиях. Живость и остроумие сменяются перечислением своих научных трудов, книг, которые он редактировал, научных диссертаций, которыми руководил. Интересно отметить, что первым защитил докторскую диссертацию один из авторов данной статьи В.П. Бойко, который вскоре также написал и выпустил в свет свои воспоминания, схожие по структуре и изложению событий с воспоминаниями своих учителей В.П. Зиновьева и Н.В. Блинова [8. С. 43–51].

Главное внимание в воспоминаниях В.П. Бойко уделяет месту своего рождения и детства, когда впечатления свежи и навечно врезаются в память. Как преподаватель вспомогательных исторических дисциплин, включая генеалогию, он подробно рассматривает происхождение своих предков. По материнской линии это была известная в Сибири фамилия Сваровских, старожилов этих мест, переселившихся в Томск в начале XVII в. и получивших за службу землю в 50 верстах от этого города. Несмотря на польское происхождение, первые в Сибири Сваровские были ортодоксальными

верующими греко-православной церкви и называли свою деревню, а затем и село – Богородским, а не по фамилии первопоселенцев, как это было в большинстве населенных пунктов освоенного ими края.

Выходец из Польши Остафий Сваровский служил еще в XVII в. в Томске городовым казаком, а после службы получил земельный надел. Два его сына, оба носивших имя Иван, основали в 1671 г. село Богородское. Согласно семейным преданиям и архивным сведениям, Сваровские из поколения в поколение были крестьянами, хотя не пренебрегали и отходными промыслами: мужчины строили речные суда и ходили на них по Оби и ее притокам, перевоза купеческие грузы, а женщины занимались сбором ягод на продажу, выделкой льняного полотна и иногда нанимались служанками и горничными в Томск. Были и исключения из этих правил, когда мужчины становились плотниками, столярами, рыбаками. Один из них, по прозвищу Бес, красил церковные купола без лесов, повисая на них на нескольких веревках. Среди Сваровских также были заядлые охотники, любители рискованной медвежьей охоты, получавшие в результате такой охоты серьезные раны. Один из Сваровских даже получил прозвище Нащёк из-за увечья на лице, которое ему нанес якобы сороковой по счету медведь. От этого прозвища пошло название сначала заимки (хутора), а потом и деревни Нащёково, которая располагалась на Горе, около деревни Мельниково, в отличие от самого Богородска, расположенного на затопляемом весной левом берегу реки Оби.

Тесно связанным со Сваровскими был род Карагановых, известных томских купцов и благотворителей. Основа их богатства состояла в торговле хлебом, который закупали в Колывани-на-Оби и доставляли водным путем на барках в Нарым. Изначально это были простые барки – прямоугольные суда из тесаных бревен, которые могли ходить только вниз по течению. Позже появился небольшой 30-сильный пароход «Самоход», который буксировал баржи с хлебом вниз по течению, а обратно перевозил рыбу, меха, кедровый орех и другие товары. Конкуренцию ему составлял 80-сильный пароход В.А. Горохова «Мельник». Пассажирские перевозки осуществляли мощные двух- и трехпалубные пароходы «Любимец», «Товарищи» и «Евгений» томских и барнаульских купцов В.Е. и Е.В. Ельдештейнов, 100-сильный пароход купчихи Е.И. Мельниковой «Кормилец» и др. В конце XIX в. в Обь-Иртышском бассейне курсировало 102 парохода различных мощности и видов: от древней деревянной посудины с ветхим двигателем до мощных многопалубных пароходов иностранного производства.

Основатель рода М.Ф. Караганов вскоре построил солидный дом около пароходной пристани в Знаменском приходе, много жертвовал на Знаменскую церковь и другие богоугодные и просветительские цели. Он также позаботился об образовании своих детей. Старший сын Петр Михайлович в 1899 г. окончил Томскую гимназию с серебряной медалью и в том же году поступил на медицинский факультет Томского университета. Достаточно подробная его биография приведена во втором томе биографического словаря

«Профессора Томского университета (1917–1945)», изданного в Томске в 1998 г. группой авторов во главе с профессором С.Ф. Фоминых. Там можно найти список основных работ П.М. Караганова, его достижения в судебно-медицинской практике, которые позволяли определять происхождение и состав «кровяных пятен», что значительно упрощало работу следователей. Криминальная обстановка в Томске и его окрестностях была напряженной, поэтому приводится несколько случаев, когда сыворотки Караганова давали возможность превратить следы преступлений в неопровержимые улики. Как отмечают авторы статьи, профессор Караганов читал курс на медицинском и юридическом факультетах, и его лекции пользовались популярностью среди студентов и врачей. Умер он в 1922 г. от двустороннего воспаления легких, полученного на заготовке дров для нужд университета. Как отмечено в некрологе, обладал спокойным, уравновешенным характером и отличался исключительным трудолюбием. Надо сказать, что с 1920 г. профессор Караганов был заведующим кафедрой судебной медицины Томского университета, ему было 42 года и, конечно, при желании, он мог легко от работ на лесоповале «увильнуть», но это было не в его жизненных правилах.

Другой путь внедрения в сибирскую жизнь был у родителей отца В.П. Бойко: они прибыли сюда в конце XIX в. из Полтавской губернии в село Поперечное близ Камня-на-Оби на Алтае. Получив по 15 десятин надельной земли на каждую податную мужскую душу, как и предки В.П. Зиновьева, они начали осваивать землю и трудиться для достижения своего «мужичьего» счастья. Однако после 1930 г. их ограбили и отправили в Бакчарские болота, где половина семьи погибла.

Повествование в воспоминаниях В.П. Бойко охватывает период до начала XXI в. – до наших дней, до детей и внуков мемуариста. Прежде чем стать ученым, историком и профессором, он прошел большую жизненную школу Советской Армии, был курсантом Ленинградского высшего общевойскового училища, успешно проучился там два года, но, как и Н.В. Блинов, преодолел искушение быть офицером, иметь довольно высокое положение в обществе, хорошую зарплату и перспективы карьерного роста. В этом он был солидарен со своим учителем Н.В. Блиновым, хотя разница в этих выводах составляет более полувека.

Принято считать, что с возрастом память становится причудливой: все события детства и молодости вспоминаются более четко, чем происходившие недавно. Острота эмоциональных переживаний ранней молодости, влюбленность в выбранное дело – все это создает почву для восприятия и сохранения памяти о своей жизни и жизни людей, тебя окружавших, на всю оставшуюся жизнь. Так и случилось с окружением Н.В. Блинова. Его сокурсник Евгений Викторович Пономарев из Хабаровска в деталях вспоминает детство и юность, которые закончились поступлением в 1948 г. в Томский университет на исторический факультет, где он и познакомился со своими друзьями на всю последующую жизнь. Описывая будни обучения на историческом факультете ТГУ, он передает такие детали, которые неизвестны студентам младших поколений.

Например, они при подготовке к экзамену по археологии ночевали в археологическом музее под стеллажами и витринами, в которых находились черепа, скелеты, украшения и другие «антиквариаты». Укрывались географическими картами [9. С. 87]. Трудно представить такое небрежное отношение к ценным музейным экспонатам в наши дни.

Более реально предстает в описании Е.В. Пономарева студенческий опыт, который сильно напоминал казарму: «Вечером перед сном раздавался зычный голос Коли Блинова: “День прошел и слава Богу! Дневные раны сном лечи! Отбой!” – и гасил свет... Одежда у нас общая. Я ношу его, он – мою. Коле особенно нравилась моя армейская шинель, носил он ее зимой года два». Общим для Н.В. Блинова и Е.В. Пономарева оказалось увлечение спортом. Отдавая в этом пальму первенства своему товарищу, Евгений Викторович тем не менее отмечает, что в университете шесть лет занимался греблей и другими видами спорта. В итоге объем легких у него вырос с 3,6 до 5,6 литров. Многие из спортивных привычек в жизни дали ему отменное здоровье. «На девятом десятке лет ГИБДД продлило водительское удостоверение еще на 10 лет. Спасибо тебе, дружище! Вечная тебе память!» – так заканчивает свои воспоминания его однокурсник [9. С. 88].

На два года младше Н.В. Блинова училась А.Н. Жеравина, которая многие десятки лет преподавала на историческом факультете ТГУ и дала путевку в научную и преподавательскую жизнь сотням выпускников этого факультета. Как водится, студенты младших курсов с почтением смотрят снизу вверх на старших студентов, тем более мужчин, тем более имевших уже богатый жизненный и даже фронтовой стаж. А группа 128, в которой учился Н.В. Блинов, была знаменитой: 13 из 25 студентов этой группы закончили университет с красным дипломом. «Именно эта группа стала куратором нашей 120-й группы. Благодаря тому, что мы, первокурсники, каждодневно тесно общались со студентами из сто двадцать восьмой, мы хорошо знали всех старшекурсников факультета, что много позднее перестало быть нормой», – писала через несколько десятков лет профессор Жеравина [10].

Особенно восхищали ее успехи Н.В. Блинова в спорте и таланты организатора и руководителя. Кроме побед на лыжне, он занимал первые места в беге на тысячу и три тысячи метров, участвовал в баталиях по волейболу и баскетболу, площадки для которых он и Ю.В. Куперт устроили за главным корпусом университета.

А.Н. Жеравина высоко оценивала выдающиеся результаты профессора Блинова в его научной и педагогической деятельности. Его широкая эрудиция и глубокое осмысление пути рабочего класса страны и отдельных ее регионов дали жизнь целому направлению отечественной историографии, воспитали целую плеяду благодарных учеников. Особенно ярко проявились, по мнению А.Н. Жеравиной, нравственные и моральные качества Н.В. Блинова, его преданность друзьям, которая особенно проявилась в отношениях с Л.В. Алякринским, безвременно и трагически погибшим. Мемуаристку поражали глубокая порядочность и удивительная прямота, с которой он высказывал свое непри-

ятие подлости и хамства знакомых и коллег. В то же время Жеравина отмечает особую чуткость и умение высказать сочувствие близкому человеку в сложных и даже трагических психологических ситуациях. В своих мемуарах А.Н. Жеравина проявляет себя как умный и талантливый автор, умеющий выделить главные черты характера описываемого человека и ситуации, в которой он оказался, а также подметить его особенности и таланты, в результате чего человек перед читателем предстает как живой, выпукло и четко.

Ценные штрихи к портрету Н.В. Блинова добавляет профессор Е.Я. Слепцов, историк, получивший образование на историческом факультете ТГУ на десяток лет позже него. Слепцов отмечает, что демократические отношения между преподавателями и студентами, сложившиеся в университете, помогли им сблизиться и подружиться. Особое место в жизни студентов и преподавателей занимала научная библиотека, где на втором этаже этого «храма науки» находились студенческий (огромный, высоченный и с хорами сверху) и уютный преподавательский читальные залы. «Работа в библиотеке была наполнена какой-то особой атмосферой, необъяснимо тихой, погружала сначала в чтение, а потом в осмысление исследовательских задач. Одним словом, без “науки”, как кратко называли библиотеку, жизнь была бы уже не совсем полноценной», – отмечал Е.Я. Слепцов, под словами которого могли бы подписаться многие состоявшиеся профессора, доценты и простые учителя из школ области, еще долго приезжавшие сюда из сельской глубинки.

Отметим, что курилка, оборудованная мощным и шумным вентилятором, служила излюбленным местом для традиционных встреч и острых дискуссий, хотя и не могла полностью устранить облака табачного дыма. В настоящее время немногочисленные курильщики предпочитают уединяться на крыльце или на скамейках во дворе под переходом [11].

Еще одним местом встреч Н.В. Блинова и Е.Я. Слепцова была проблемная лаборатория истории, археологии и этнографии, которую одно время возглавлял профессор Блинов. Лаборатория быстро разрасталась, и по мере увеличения численности сотрудников до сорока человек ему понадобился заместитель. Слепцов с удовольствием занял эту должность. Решение научных и административных задач сблизило этих творческих людей. После переезда в Москву Николай Васильевич и Евгений Яковлевич приобрели участки земли, дачи в Тверской области близ Рыбинска, рядом с Рыбинским водохранилищем, где занялись активным отдыхом – огородничеством, садоводством, рыбалкой и другими увлечениями рабоче-крестьянской интеллигенции.

И в этом месте Н.В. Блинов проявил свои способности: перевез из Томска моторную лодку, занялся строительством погреба и подсобных помещений, а также завел обширный и урожайный огород. Е.Я. Слепцов описывает его следующим образом: «На первый взгляд казалось, что поле заросло сплошной травой. Николай Васильевич спокойно заходил на участок и через некоторое время, как факир в цирке, выносил арбуз, морковь, помидоры и т.д.» [11. С. 157]. Трудно

не согласиться с заключительными словами мемуариста о своем наставнике, что в его памяти Н.В. Блинов «будет вечно как учитель и друг, замечательный, мудрый и душевный человек» [11. С. 157].

Другими поводами для написания мемуаров наряду с юбилеями стали некрологи и посмертные записки. Один из таких поводов – безвременная кончина Андрея Марковича Сагалаева (1953–2002). На это печальное событие отреагировали сокурсники А.М. Сагалаева по историко-филологическому факультету. Некоторые из них после окончания университета стали философами, другие поэтами и филологами, что отразилось на их воспоминаниях. Например, С.И. Ануфриев оформил свои мысли в эссе со стихотворным заглавием: «И живем мы в этом мире послами не имеющей названия державы...», где акцентировал внимание не столько на фактах из жизни своего друга Андрея, сколько на духовной близости, возникшей между ними [12. С. 266].

Воспоминания В.М. Крюкова о А.М. Сагалаеве отличаются лиричностью и личным подходом; они включают замечательные стихи и постоянные переключки с ушедшим человеком: «Ты помнишь, Андрей?..» Эта переключка создает фон воспоминаний, подкрепленных выдержками из личной переписки, особенно когда А.М. Сагалаев находился в заграничных командировках [13. С. 290–291]. Свои впечатления об А.М. Сагалаеве изложил и его близкий друг юности Саша Элерт. Они проживали вместе в общежитии на Ленина, 49, а затем в одной квартире в Новосибирском Академгородке, часто выезжая в северную резиденцию Элертов – село Новоникольское Александровского района – для отдыха от городской суеты.

Мемуары А.Х. Элерта насыщены не только описаниями их совместного времяпрепровождения, но также историческими, этнографическими, топонимическими фактами о той местности, где они проводили время с пользой и удовольствием. Так называемые «чворы» (острова) вблизи Никольского в его описаниях обретают реальные черты природного чуда, однако вскоре после этого они выгорели «благодаря немногим оставшимся в деревне добрым людям» [14. С. 339].

Книга О.Б. Беликовой [15] подводит итог литературе об А.М. Сагалаеве. Эта работа стала результатом упорного труда ученого в течение двух десятков лет, основой послужили фрагменты воспоминаний А.М. Сагалаева, начатые им, по словам О.Б. Беликовой «неожиданно» в конце его жизни [15. С. 10]. Стремление к созданию исчерпывающей характеристики жизни и творческого наследия ученого и общественного деятеля – А.М. Сагалаева, побудило О.Б. Беликову обратиться ко всему комплексу источников: личному архиву Сагалаева, архивам Томского университета и Томского областного краеведческого музея (ТОКМ), устным и письменным свидетельствам родных, друзей, коллег и учеников, обширному архиву фотодокументов и другим редким оригинальным источникам.

В результате автору удалось создать монографию о выдающемся исследователе, где теплые и искренние воспоминания о нем были дополнены фактами из дру-

гих видов источников, что позволило создать практически полную, информационно насыщенную биографию А.М. Сагалаева и описать его научный вклад в историческую науку.

С течением времени выпускники исторического факультета, писавшие воспоминания о своих ушедших друзьях, сами уходят неожиданно и безвременно, и теперь уже о них приходится писать в прошедшем времени. А.Х. Элерт (1954–2022) был не только выдающимся исследователем-источниковедом, но и прекрасным товарищем и семьянином. Воспоминания о нем опубликованы в 42-м выпуске сборника статей и материалов серии «Археология и источниковедение Сибири». У истоков этого направления исторической науки стоял великий ученый академик Н.Н. Покровский. А.Х. Элерт оправдал его надежды и в скором времени из начинающего исследователя, аспиранта превратился в серьезного исследователя общероссийского и международного масштаба.

Старшая сестра Александра Элерта Фрида Христиановна с любовью рассказывает о начале его карьеры. Как и у многих советских детей послевоенного времени, у семьи репрессированных и сосланных на север Томской области Элертов жизнь складывалась нелегко, однако дружная и многодетная семья преодолела все трудности с честью. В воспитании и становлении детей проявлялись не только социальные факторы, но и природные. Фрида Христиановна пишет: «Солнце в этих северных краях садится летом поздно, и мы с нашего знаменитого широкого крыльца наблюдали потрясающей красоты закаты. В июне вообще не темнело – стояли белые ночи, можно было всю ночь читать без света, еще во все времена эти ночи были для душевных разговоров про жизнь и любовь» [16. С. 391].

Любовь окружала Сашу и его сестер с младенчества, что всегда важно для становления любого человека. Другим моментом этого сложного процесса было раннее взросление детей: с 14 лет они отправлялись в школу-интернат в райцентре в селе Александровском. Потом в общежитиях истфака ТГУ им уже было привычно и комфортно, хотя, обретя семью, приходилось искать квартиры в частном секторе г. Томска. Таким образом, как отмечают другие мемуаристы, А.Х. Элерт естественно вписался в ряды студенчества исторического факультета ТГУ и достиг там определенных успехов, ставших впоследствии основой его академических достижений. Об этом упоминается в воспоминаниях его однокурсника В.П. Бойко [17] и земляка-нарымчанина В.П. Зиновьева [18].

В заключение выделим несколько характерных черт воспоминаний выпускников историко-филологического (исторического) факультета ТГУ.

1. Воспоминания делятся на две части: одна посвящена юбилеям их авторов (В.П. Зиновьев, В.П. Бойко), другая освещает их жизнь и творчество уже как память об ушедших (Н.В. Блинов, А.М. Сагалаев, А.Х. Элерт).

2. Обязательным элементом всех мемуаров является довольно пространная и емкая характеристика условий обучения и проживания студентов в общежитиях, их взаимном общении с преподавателями и между собой.

3. Важным моментом для всех авторов является начало их научной карьеры, выбор научного руководителя, темы исследования, первые успехи и неудачи на этом долгом пути.

4. Большинство авторов мемуаров обучались на кафедре истории СССР досоветского периода, что объясняется, вероятно, творческой атмосферой этой кафедры, небольшим количеством сотрудников и сплоченностью коллектива кафедры.

5. В большей или меньшей степени воспоминания касаются глобальных событий, происходивших в стране и мире. Мемуары Н.В. Блинова касаются Великой Отечественной войны, ее заключительного этапа на Дальнем Востоке; воспоминания В.П. Зиновьева и В.П. Бойко ярко и выпукло рисуют процессы коллективизации и раскулачивания, в воспоминаниях-эссе С.И. Ануфриева – обыденная и идейная жизнь студентов и аспирантов в конце XX в.

Список источников

1. Блинов Н.В. Вспоминая молодость // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 9–26.
2. Зиновьев В.П. Н.В. Блинов в Томском университете // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 69–74.
3. Галлямова Л.И. Памяти учителя // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 74–79.
4. Сорокин Ю.А. Ремесло историка: учительство и ученичество // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 80–86.
5. Сорокин Ю.А. Павел I. Личность и судьба. Омск : Изд-во ОмГу, 1996. 210 с.
6. Сорокин Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск : Изд-во ОмГу, 1999. 322 с.
7. Зиновьев В.П. Не подводя итогов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 164 с.
8. Бойко В.П. Воспоминание о селе Богородское и моей жизни. Томск : Изд-во Том. гос. арх.-стрит. ун-та, 2021. 212 с.
9. Пономарев Е.В. Наша эпоха. Воспоминания // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 87–89.
10. Жеравина А.Н. Вспоминая Николая Васильевича Блинова // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 89–92.
11. Слепцов Е.Я. Памяти учителя и друга // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 155–157.
12. Ануфриев С.И. И живем мы в этом мире послами не имеющей названия державы... // Зеркала культур : памяти А.М. Сагалаева. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 261–268.
13. Крюков В.М. Андрей // Зеркала культур : памяти А.М. Сагалаева. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 286–295.
14. Элерт А.Х. Никишкин чвор // Зеркала культур : памяти А.М. Сагалаева. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 329–339.
15. Беликова О.Б. Андрей Маркович Сагалаев: жизнь и творческое наследие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2022. 480 с.
16. Сагалаева Ф.Х. Фамилия // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. : сб. науч. тр. / отв. ред. С.Г. Петров. Новосибирск : Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, 2023. С. 390–403.
17. Бойко В.П. Вспоминая однокурсника и друга А.Х. ЭлERTA // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. : сб. науч. тр. / отв. ред. С.Г. Петров. Новосибирск : Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, 2023. С. 403–407.
18. Зиновьев В.П. Об Александре Элerte // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. : сб. науч. тр. / отв. ред. С.Г. Петров. Новосибирск : Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, 2023. С. 408–409.

References

1. Blinov, N.V. (2016) Vspominaya molodost' [Remembering youth]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 9–26.
2. Zinoviev, V.P. (2016) N.V. Blinov v Tomskom universitete [N.V. Blinov at Tomsk University]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 69–74.
3. Gallyamova, L.I. (2016) Pamyati uchitelya [In memory of the teacher]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 74–79.
4. Sorokin, Yu.A. (2016) Remeslo istorika: uchitel'stvo i uchenichestvo [The Craft of a Historian: Teaching and Apprenticeship]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 80–86.
5. Sorokin, Yu.A. (1996) *Pavel I. Lichnost' i sud'ba* [Pavel I. Personality and Destiny]. Omsk: OmSU.
6. Sorokin, Yu.A. (1999) *Rossiyskiy absolyutizm v posledney treti XVIII v.* [Russian Absolutism in the Last Third of the 18th Century]. Omsk: OmSU.
7. Zinoviev, V.P. (2019) *Ne podvodya itogov* [Without Summing Up]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Boyko, V.P. (2021) *Vospominanie o sele Bogorodskoe i moyey zhizni* [Memories of the village of Bogorodskoye and my life]. Tomsk: TSUAB.
9. Ponomarev, E.V. (2016) *Nasha epokha. Vospominaniya* [Our era. Memories]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 87–89.
10. Zheravina, A.N. (2016) *Vspominaya Nikolaya Vasil'evicha Blinova* [Remembering Nikolai Vasilyevich Blinov]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 89–92.
11. Sleptsov, E.Ya. (2016) *Pamyati uchitelya i druga* [In Memory of a Teacher and Friend]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 155–157.
12. Anufriev, S.I. (2019) *I zhivem my v etom mire poslami ne imeyushchey nazvan'ya derzhavy...* [And We Live in This World as Ambassadors of a Nameless Power...]. In: *Zerkala kul'tur : pamyati A.M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures: In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. pp. 261–268.
13. Kryukov, V.M. (2019) *Andrey*. In: *Zerkala kul'tur : pamyati A.M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures: In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. pp. 286–295.
14. Elert, A.Kh. (2019) *Nikishkin chvor*. In: *Zerkala kul'tur : pamyati A.M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures: In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. pp. 329–339.
15. Belikova, O.B. (2022) *Andrey Markovich Sagalaev: zhizn' i tvorcheskoe nasledie* [Andrey Markovich Sagalaev: Life and Creative Heritage]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Sagalaeva, F.Kh. (2023) *Familiya* [Family]. In: Petrov, S.G. (ed.) *Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVII–XX vv.* [Memory of the Past in Written Sources of the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 390–403.

17. Boyko, V.P. (2023) Vspominaya odnokursnika i druga A.Kh. Elerta [Remembering classmate and friend A.Kh. Elert]. In: Petrov, S.G. (ed.) *Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVII–XX vv.* [Memory of the Past in Written Sources of the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 403–407.
18. Zinoviev, V.P. (2023) Ob Aleksandre Elerte [About Alexander Elert]. In: Petrov, S.G. (ed.) *Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVII–XX vv.* [Memory of the Past in Written Sources of the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 408–409.

Сведения об авторах:

Бойко Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории архитектуры Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: vpbojko@yandex.ru

Савинцева Марина Евгеньевна – старший преподаватель кафедры международной деловой коммуникации Томского государственного университета (Томск, Россия); аспирант Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: msavintseva@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Boiko Vladimir P. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Theory and History of Architecture, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: vpbojko@yandex.ru

Savintseva Marina E. – Senior Lecturer of the Department of International Business Communication, Tomsk State University (Tomsk, Russia); PhD Student at Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: msavintseva@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 07.10.2024; accepted for publication 15.01.2025